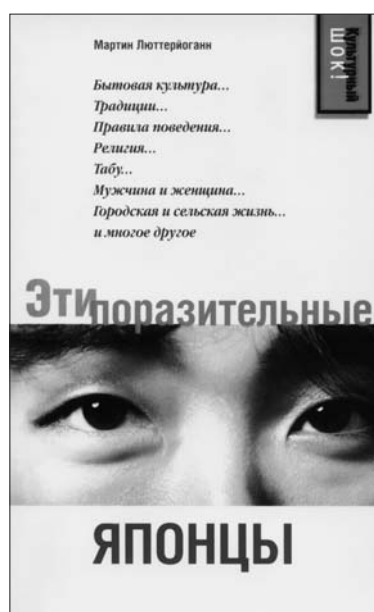

ЭТИ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЯПОНЦЫ (ценный труд по этнопсихологии)*

Автор рецензируемой книги немецкий исследователь Мартин Люттерйоганн очень хорошо знаком с Японией и её обитателями благодаря не только длительному профессиональному их изучению. Его тесному знакомству с этой страной содействовало то обстоятельство, что он женат на японке. Как психолог по образованию и психотерапевт по профессии автор сложной по жанру, хотя и небольшой по объёму книги, особое внимание уделяет менталитету японцев. Ряд тонких и остроумных, весьма аргументированных умозаключений по этим вопросам делает названное издание весьма ценным в первую очередь для тех, кто занимается этнопсихологией японцев, а лёгкость, увлекательность и популярность изложения материала, безусловно, привлекут к нему многочисленных читателей.

Свои эмпирические наблюдения и теоретические обобщения автор строит на основе фрейдистской методологии, исходя из того, что в японском обществе господствует так называемая «культура стыда» (с. 25). Автор не одинок в такой характеристике базовой черты японского национального характера и японского менталитета.

Ещё в 1946 г. по заказу американской оккупационной администрации американский этнопсихолог Рут Бенедикт, исходя из той же методологической фрейдистской установки о «культуре стыда», написала фундаментальную работу по этнопсихологии японского общества «Хризантема и меч. Модели японской культуры», которая считается классическим трудом в области этнопсихологии японского общества. Книга вошла в золотой фонд мировой литературы по культурологии. К сожалению, у нас в России этот труд был переведен и издан спустя почти

* Люттерйоганн Мартин. Эти поразительные японцы. М.: Изд-во Астрель, 2006. 2004 с.

60 лет после его издания в США (см. Бенедикт Рут. Хризантема и меч. Модели японской культуры. СПб.: Наука, 2004). В связи с этим отечественная этнопсихология Японии много потеряла в изучении японского менталитета, руководствуясь в своём подходе к такому сложному феномену общественного развития, как специфика национального менталитета Японии, марксистскими установками классовости различий в национальном характере. Даже самая удачная монография по этнопсихологии японцев — труд отечественных японоведов В.А. Пронникова и И.Д. Ладанова «Японцы», который выдержал большим тиражом три издания (М.: Наука. 1983, 1985, 1996), грешит практически игнорированием достижений западной этнопсихологии, основанной на методологии фрейдизма.

Ряд выводов автора рецензируемой книги М. Люттерйоганна, например, — Япония — «общество с жёсткой иерархической структурой» (с. 13) или «невербальное общение — японский идеал поведения» (с. 22) не являются новыми для мировой этнопсихологии. Их можно встретить и в монографии В. Пронникова и И. Ладанова. Но, исходя из такого понимания японского общества, М. Люттерйоганн делает ряд принципиально новых выводов об общественном поведении японцев. Так, он пишет: «Покупать — первая гражданская обязанность и страсть японцев» (с. 75).

Этот вывод было бы невозможно сделать без ясного осознания иерархического характера японского общества и понимания национальной специфики японской категории долга («гири»). Он многое объясняет в поведении японцев, в частности, специфику японского потребления и её связь с экономическими успехами страны в послевоенный период. Японцы не просто стали больше покупать, что характерно для современного посткапиталистического общества потребления, но покупали то, что нужно было для поддержания успешного развития собственной промышленности и сохранения её высокой конкурентоспособности на мировом рынке. Несмотря на отмену протекционистской политики, характерной для Японии вплоть до начала 70-х гг. XX в., японское общество до сих пор остаётся во многом закрытым для товаров западного производства в силу специфики потребительского спроса, потому что сохранилась ориентация на потребление своего, японского, и, покупая, японец не просто удовлетворяет свои потребности, но и выполняет гражданский долг.

Глубокое проникновение в тайны японской психологии позволило автору по-новому объяснить многие традиционные черты поведения японцев. Вот как в рецензируемой книге трактуется привязанность японцев к обмену подарками: «Подарки имеют большое значение как выражение привязанности и благодарности, особенно в случаях, когда речь идёт о шепетильном чувстве обязанности кому-либо или о заботе, о поддержании личных отношений» (с. 18). И обратная сторона медали, которая отличает японский обмен подарками от дарений в других странах или других культурах: «В Японии не приняты подарки личного характера с целью расположить человека к дарителю. Поэтому даже на день рождения не всегда делают подарки» (с. 19).

Многие выводы и обобщения автора имеют большое значение для объяснения неправильного понимания японцев со стороны представителей западного общества — американцев, европейцев и русских. На с. 146 автор пишет о «несамостоятельности японцев»: «Это вообще свойственно японскому менталитету: самостоятельность не востребована так, как в европейском обществе». В свою очередь, на той же странице автор объясняет и происхождение этой «несамостоятельности» в поведении японцев. Она, в частности, связана с тем, что большую, даже преобладающую роль в воспитании в японской семье играет не отец, а мать; эмоциональная привязанность к матери, к духовному комфорту сохраняется у японцев на всю жизнь.

Это не противоречит и наблюдению одним из авторов рецензии жизни современного японского общества, связанной с большой занятостью отцов семейств на работе, в силу чего многие из них практически не имеют возможности

общаться со своими детьми. В 2000 г. он видел в Токио на здании Министерства просвещения огромный лозунг, который настоятельно рекомендовал: «Пообщайся со своим ребёнком».

Новаторским является объяснение автором рецензируемой книги сексуального поведения молодых японцев. Своим выводом о сексуальном поведении японцев Мартин Люттерйоганн опровергает широко распространённое на Западе представление о свободе нравов и чуть ли не о сексуальной распушенности японцев. Этот идёт ещё от тех европейцев, которые впервые обратили внимание на специфику этнопсихологии японцев, и, очевидно, связано с неверным выбором источников информации по этому вопросу. Представления европейцев о сексуальном поведении японцев часто складывались из знакомства с увеселительными кварталами в крупных городах. Один из таких знаменитых кварталов — Ёсивара в Токио — американская оккупационная администрация безжалостно ликвидировала после капитуляции Японии. Другим источником неправильного представления европейцев о сексуальном поведении японцев были японская эротическая литература и изобразительное искусство. У японцев свой «Д. Боккаччо», классик японской литературы XVII в. Ихара Сайкаку, искал сюжеты для новелл в жизни увеселительных кварталов. Что касается изобразительного искусства, то в знаменитом жанре цветных гравюр «укиё э» большое внимание уделяется эротическим сюжетам, причём в этом не усматривается ничего предосудительного для общественной нравственности.

К сожалению, дань тезису о вольности сексуального поведения в Японии была отдана и в отечественном японоведении. Не избежал искушения в этом отношении и автор знаменитой книги «Ветка сакуры» Всеволод Овчинников.

Что же касается М. Люттерйоганна, то его оценка сексуального поведения японцев является диаметрально противоположной. Он обращает внимание на сексуальный ригоризм молодежи: «Обычно только к 20 годам дело доходит до того, чтобы в первый раз взяться за руки, о сексе даже речи быть не может. Как известно, в Японии не принято на людях обмениваться нежностями. Поцелуи, объятия и тому подобное — интимная сфера. Первый поцелуй часто случается только после помолвки, он имеет более глубокое значение, чем на Западе» (с. 146—147).

Принципиально важное значение для понимания послевоенной эволюции японского менталитета имеет вывод автора о влиянии американской оккупационной политики на общественную мораль в Японии: «Во многом благодаря пуританству американцев общественная мораль (разрядка Люттерйоганна) в Японии стала ещё более строгой» (с. 147).

При общей, весьма высокой оценке рецензируемой книги нельзя не отметить и некоторые присущие ей недостатки. Первое, на что необходимо обратить внимание, — это некоторые неточности, допущенные автором. Так, на с. 153 он пишет, что сотрудники сферы услуг «составляют половину всего занятого населения» в стране. Это явное преувеличение. По общепризнанному заключению экономистов в сфере обслуживания в Японии занята 1/3 или чуть больше самодельного населения.

Второй недостаток книги является продолжением её достоинств. Он состоит в том, что местами книга превращается в путеводитель, причём автор сознательно идёт на это, указывая адреса и телефоны гостиниц и других учреждений разветвлённой и ухищрённой сферы обслуживания в Японии.

В.В. СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории ДВГУ

П.Л. ГОРБЕНКО, аспирант кафедры всеобщей истории ДВГУ